

Доктор Фред Патнэм, Псалмы, лекция 3

© Фред Патнэм и Тед Хильдебрандт

Это третья презентация доктора Фреда Патнэма по книге Псалмов. Доктор Патнэм.

На второй лекции я прочитал небольшое стихотворение Кристины Россетти «Тяжелая вода». И это стихотворение также иллюстрирует еще кое-что, что справедливо для поэзии в целом. В этом и заключается идея шаблона. Под шаблоном мы подразумеваем, что вещи повторяются или соединяются определенным образом, так что общий эффект превышает сумму отдельных частей.

Итак, в этом стихотворении «вода тяжелая, вода короткая, вода хрупкая, вода глубокая», порядок вопросов, последовательные вопросы заставляют нас с каждой строкой ожидать вопроса для следующей строки. И мы можем рассматривать закономерности в очень маленьком масштабе и закономерности в очень большом масштабе. Говоря о библейской поэзии и рассматривая многое из того, что кажется умственным заиканием, то есть поэты как будто повторяют себя.

Они говорят одно, потом говорят это снова, они говорят одно, они говорят это снова, они говорят одно. Итак, Псалом 2, почему возмущаются народы, и народы замышляют тщетное дело? Ну, это вроде одно и то же, не так ли? Цари, стих второй, цари земные встают, князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его. Итак, они встают, они совещаются вместе, это цари земли, правители, давайте разорвем их оковы и сбросим с себя их узы.

Звучат почти одинаково. Стих четвертый: Сидящие на небесах смеются, Господь насмехается над ними. Стих пятый: тогда Он заговорит с ними в гневе Своем и устроит их в ярости Своей.

Ну а пятый немного другой. Это не совсем та же самая разница между разговором с кем-то и его напуганием. И это тоже указывает на то, что часто второй игрок немного повышает ставку, делает ее немного сильнее.

Но дело в том, что мы находим в библейской поэзии это постоянное взаимодействие, когда поэт говорит что-то, а затем говорит что-то очень близкое к этому, но не совсем одинаково. А в английской поэзии рифма — это способ организации стихотворения. Итак, если вы помните, когда изучали сонеты, вы знаете, что схема рифм такова: А, Б, Б, А. Итак, первая строка — это А, а вторая строка — Б, заканчивается словом, которое звучит как , что мы вызываем В и делаем А, В, В, А, и этот шаблон повторяется.

Итак, первая и четвертая строки звучат одинаково, вторая и третья строки звучат одинаково, а затем пятая и восьмая и т. д. Итак, в английской поэзии рифма поэтому часто является организующим методом. Это инструмент, который можно использовать для организации стихотворения, показывая нам, какие строки сочетаются друг с другом.

Еврейская поэзия не использует рифму. Вместо этого он использует то, что стало называться параллелизмом. Идея заключается в том, что одна линия отражает строку перед ней, или мы могли бы сказать наоборот: линия отражает или превосходит строку, идущую после нее.

Что это? Ну, это очень краткое изложение. В какой-то момент раввины сказали, что Бог никогда не повторится. Таким образом, две линии должны означать нечто совершенно разное.

И они пытаются выяснить как можно больше различий между этими двумя линиями. Так как же отличить нации от народов? Как отличить суету от замысла суеты или чего-то пустого? И это возможно сделать. Но тогда, может быть, в 17 веке, архиепископ Лют читал серию лекций, он действительно рассуждал о другом.

Но попутно он сказал, что библейскую поэзию можно описать как состоящую из параллелизма, то есть линии параллельны друг другу. И обычно это две строчки, иногда три-четыре, даже пять. Это очень редко.

Обычно их два, иногда три. И Лют сказал, что существует три вида отношений между строками. Иногда они говорят одно и то же, как в примерах из Псалма 1. На самом деле, это, наверное, самый распространенный вид параллелизма в книге Псалмов.

С другой стороны, в книге Притчей, как и следовало ожидать, поскольку имеется контраст между мудростью и глупостью, нормальный вид или обычный вид параллелизма является контрастом, где говорится нечто противоположное. Так мудрая женщина строит свой дом, а глупая разрушает его своими руками. Или мудрый сын радуется отцу, глупый сын — горе отцу, горе матери, извините.

Итак, то же самое, знаете ли, две линии контрастируют друг с другом. Контраст во втором, кстати, не между отцом и матерью, а между влиянием, которое оказывает поведение сына, типом сына и влиянием его поведения на родителей. Это Притчи 10.1. Кроме того, в Библии есть много случаев, когда параллелизма нет.

Опять же, наши переводы и общий взгляд ученых на это заключаются в том, что где-то должен быть параллелизм. Но вместо этого кажется, что мы имеем просто линии разной длины. Большинство из них довольно короткие.

На иврите они довольно короткие. Так, в иврите среднее количество слов в поговорке составляет от семи до девяти. Когда вы переводите его на английский, число увеличивается до 13, а то и до 28, в зависимости от того, что им предстоит делать.

Итак, они больше не верят в звуки, подобные поговоркам. И то же самое верно и в книге Псалмов, где, знаете, как только начинают переводить, все растягивается и приходится перемещаться, потому что языки разные. Но, тем не менее, мы видим, что если мы читаем 2-й Псалом, и я не собираюсь перечитывать эти стихи, я позволю вам прочитать их самостоятельно.

Когда мы переходим к шестому стиху, шестой стих на самом деле представляет собой одно предложение, в отличие от пяти предшествующих ему стихов. Стихи с первого по пятый состоят из двух параллельных строк. Итак, третий стих: разорвем оковы их и сбросим с себя узы их.

Четвертый и пятый стих делают то же самое. Шестой стих состоит из одной строки. На самом деле оно вдвое длиннее, более чем в два раза длиннее любой из предшествующих ему строк, каждая из которых обычно состоит из трех, а иногда и из четырех слов на иврите.

И здесь семь слов на иврите, конечно, намного больше, чем на английском. Это довольно стандартный способ в библейских стихах показать читателю, что мы подошли к концу раздела. Иногда строка, сигнализирующая о том, что мы подошли к концу раздела, бывает очень короткой и состоит из одного или двух слов.

Обычно это намного длиннее предыдущих строк. Большой вопрос, или даже самая большая подсказка, заключается в том, что поэт устанавливает шаблон, а затем делает что-то, что разрушает этот шаблон. Итак, мы читаем в первых пяти стихах 2-го Псалма три слова, три слова, три слова, три слова, и так далее, и так далее.

И тут вдруг семь слов. Итак, мы должны тогда сказать себе: вау, что здесь происходит? Не только что это значит, но и почему он сделал это таким образом? Потому что на самом деле, начиная с седьмого стиха, седьмой стих начинает новую часть Псалма 2. Теперь это псалом, в котором псалмопевец продолжает цитировать Господа. И у нас есть обсуждение их отношений, стихи с седьмого по девятый, а затем в стихах с 10 по 12 содержится призыв к тем царям, которые в стихах с первого по третий восстали.

Псалмопевец в стихах с 10 по 12 призывает их к покорности и послушанию. И фактически в каждом из этих случаев мы обнаруживаем своего рода разрыв внутри самого стихотворения. В английском языке мы часто делаем это, оставляя пустую строку, что также верно и в моей версии этой версии Псалма 2. Например, после третьего, шестого и девятого стихов есть пустые строки.

Но опять же, они не оригинальны. Их добавляют редакторы. В английском языке мы тоже делаем это с помощью рифмы.

Иврит делает это посредством стиля параллелизма, типа и длины линии. И так, когда мы читаем стихотворение, мы обнаруживаем, что обращение внимания на то, как оно построено, то есть на то, как построены его фрагменты, на самом деле становится ключом к пониманию того, как построен весь Псалом. Могут сказать: разве это не педантичность? Почему мы хотим беспокоиться о том, как построено все стихотворение? Потому что разве наша цель при изучении Библии не состоит в том, чтобы подчиниться тому, что в ней говорится? И часть этого подчинения состоит в том, чтобы научиться думать мысли поэта после него или после нее.

Позвольте мне на минутку поменять место встречи. Допустим, вы собираетесь провести изучение Библии, произнести проповедь или провести урок воскресной школы по Псалму 113. И так, вы говорите: ну, мой первый пункт находится в пятом стихе.

Мой второй пункт находится во втором и третьем стихах. Мой третий пункт находится в девятом стихе. И мой четвертый пункт, заключение – это первый стих.

В чем проблема? Что ж, я думаю, настоящая проблема в том, что поэт написал это не так. Он не думал о том, я не помню, не помню порядка, в котором я цитировал эти стихи, но он не думал о пяти, четырех, трех, двух, он думал об одном до девяти. Ну, номера стихов не были оригинальными, но он думал об этом в том порядке, в котором они были написаны.

Он хочет, чтобы мы прочитали его в таком порядке, чтобы, подойдя к девятому стиху, независимо от того, думаем ли мы, что это самый важный стих, или второй пункт, или что-то еще, что бы мы ни думали об этом, мы подошли к девятому стиху, прочитав первый стих. через восемь, продумав, о чем говорится в стихах с первого по восьмой. То же самое, когда мы говорим о параллелизме, мы говорим: «О, у меня здесь две линии». Как связаны эти две строки, мы всегда спрашиваем себя, как каждая строка связана со следующей строкой? Потому что так написал поэт.

Каждая линия отражает предыдущую линию, контрастирует с ней или отходит от нее. Итак, читаем Псалом 113 стих второй: благословенно имя Яхве от сего времени и вовеки, от восхода солнца до захода его, прославляемо имя Яхве. Ого, это два длинных стиха.

И на самом деле они очень длинные. Это отдельные предложения. Таким образом, внутри стиха нет параллелизма, но вместо этого два стиха в целом параллельны друг другу.

Итак, у нас есть вначале, это действительно круто. Посмотрите на это в своей Библии, второй стих строки А, благословенно имя Господне, третий стих, строка Б, хорошо, здесь, внизу, имя Господне должно прославляться. Ох, эти вещи параллельны.

И посмотрите на две средние линии, две Б и три А, от этого времени и вовеки, от восхода солнца до его захода, время и пространство, с востока на запад. Это говорит о не времени. Итак, разве это не круто? Вы видите, что он только что сделал? Он просто воспринял эту идею, что Бога следует прославлять везде и всегда.

И он не просто так это сказал. Вместо этого он как бы вывернул это наизнанку и спросил нас, как это может выглядеть? Или как мы можем думать, как мы можем вообще думать об этом? Итак, мы берём очень абстрактную идею и делаем её немного более конкретной. Вместо того, чтобы говорить всегда и везде, с этого времени и в этот раз, я знаю, что это за время.

И навсегда, я не совсем понимаю, что это значит, но это продолжается долго. И с востока на запад я знаю, что это такое. И поместить эти две вещи посередине, а другую — снаружи, по очень распространенной библейской схеме, которую стали называть хиазмом или хиазмом.

Потому что, когда вы расставляете его определенным образом и рисуете линии, соединяющие вещи, получается буква хи, которая по-гречески выглядит как наш Х. И вот, люди называют что-то подобное хиазмом или хиазмой. Мы действительно не знаем, почему они написали хиазмы. Не существует руководства по еврейской поэзии X века до нашей эры, и мне бы очень хотелось его найти.

Но мы знаем, что они делали это много-много-много раз. Иногда оно используется, например, в Притчах, где есть контрастные строки. Итак, слова будут перевернуты в своем порядке.

И это вполне сочетается с контрастом смысла линий. В других случаях, как здесь, две линии означают одно и то же, но наоборот. Кажется, ну, может быть, ты

когда-нибудь об этом думал? Когда поэт садится писать сонет, он или она решает изложить 140 слогов, разбитых на группы по 10 слогов, каждый 10-й слог из которых попадает в определенную рифмованную схему и следует определенному размеру.

Как тот ямб. Он будет иметь определенную логическую структуру из восьми строк, излагающих проблему, вопрос или ситуацию, и шести строк, разрешающих или объясняющих ее. Или 12 строк, другой тип сонета, 12 строк, которые излагают проблему, и две строки, которые как бы заключают ее в капсулу или, чаще у Шекспира, переворачивают ее с ног на голову, переворачивают ее с ног на голову.

Что сделал поэт? Ну, сильно ограничил себя. К.С. Льюис однажды написал сонет и сказал, что он настолько труден, что он никогда не напишет еще один. На самом деле это не так.

Он написал еще несколько, но это очень сложно сделать. Зачем кому-то это делать? Почему кто-то говорит: «Я буду писать стихи в перекрестье, чтобы строки были примерно правильной, одинаковой длины, иначе это будет звучать неправильно, не подходить». У вас должны быть слова, которые каким-то образом соответствуют друг другу.

У вас должны быть концепции, которые вписываются в это. Мы будем говорить о похвале, времени, пространстве, похвале или благословении, чтобы получить образец, который проявляется в словах и идеях. Ну, мы действительно не знаем.

Почему кто-то решил написать сонет и подвергнуть себя такой пытке? Ну, отчасти это то, что это признанная форма. Итак, это используемая форма. Они так написали.

Точно так же, как параллелизм – это способ написания стихов. Они не писали лимерики. В Библии нет лимериков, но они написали множество замечательных стихов, которые очень тщательно составлены и структурированы, как мы увидим в нашей четвертой совместной лекции.

Если вы посмотрите на 114-й псалом, это короткий псалом, состоящий из восьми стихов. Каждая строка отражает строку перед ней и имеет очень близкое повторение. Итак, сказано, когда Израиль вышел из Египта в дом Иакова от народа заикающегося языка, Иуда стал его святилищем, Израиль - его владычеством.

Море посмотрело и побежало. «Джордан» повернул назад. Горы скакали, как овны, холмы, как ягнята.

Что с тобой? Это как-то сложно перевести. Море, от которого ты побежишь, Иордан, от которого обратишь назад, горы, которые ты скачешь, как овны, холмы, как агнцы. Трепещите земля пред Господом, пред Богом Иакова, превратившим скалу в пруд с водой, кремень в источник воды.

Каждая строка отражает предыдущую. И в самом деле, они так часто отражают предыдущую строку, что обычно или несколько раз просто оставляют глагол за пределами второй строки. Итак, когда Израиль вышел из Египта, дом Иакова из народа чужого языка не говорит, что дом Иакова вышел из народа чужого языка или заикающегося языка.

Ну, это довольно распространенное явление. Поэт хочет, чтобы мы перенесли глагол из первой строки во вторую. Видите ли, это очень умный способ заставить нас обратить внимание, не так ли? Мне нужно достаточно вспомнить предыдущую строку, чтобы убедиться, что я вставляю глагол, который он имеет в виду, во вторую строку.

Не какой-то глагол, который я чувствую, как когда Израиль вышел из Египта, дом Иакова выбежал в полночь после чумы, связанной со смертью первенцев, от народа, говорящего на чужом языке. Он этого не говорит. Он просто говорит, что вышел.

Или Иуда стал его убежищем. Израиль просто говорит, что Израиль стал его владением. Сейчас во многих случаях в наших английских переводах глагол помещается во вторую строку, или они помещают туда что-то, потому что считают, что нам может быть слишком сложно понять.

Но это, знаете ли, если его нет, то потому, что его нет. И это потому, что поэт пишет таким образом, что эти две строки фактически связываются более тесно, чем если бы он поставил глагол во второй строке. Итак, мы посмотрим на это, и посмотрим на этот псалом еще немного, и увидим, что третий и четвертый стихи отражены в пятом и шестом стихах.

Итак, в третьем и четвертом стихах море взглянуло и побежало, Иордан обратился вспять, горы скакнули, как овны, и холмы, как агнцы. Что тебя беспокоит? Что с тобой? Смотри, убегай, смотри, возвращается к 3а. 5b сочетается с 3b, 6а и 6b сочетается с 4а и 4b.

И на самом деле они 4б и 6б на иврите идентичны, идентичны, потому что в иврите нет вопросительных знаков. Извините, я знаю, что вас это разочаровывает, но они добавлены. Так что там просто написано, что холмы похожи на ягнят.

И мы понимаем, однако, из контекста, что первое – это утверждение, второе – это вопрос. Что ж, рассматривая параллелизм, мы каждый раз спрашиваем себя, какова связь между этими двумя линиями? Итак, независимо от того, придем ли мы к терминологии Лота, епископа Лоута или архиепископа Лоута, суть не в терминологии. На самом деле, иногда эта терминология может мешать нам, и люди используют всевозможные термины для описания отношений между строками.

Написаны целые книги, большие книги по описанию и анализу параллельных структур и параллелизмов в библейском иврите. Настоящая проблема, с которой мы имеем дело, заключается в том, что когда поэт писал, он на самом деле не писал два отдельных предложения, которые затем должны были бы каким-то образом склеиться, как будто $a + b$ равняется либо a , b , либо c , что-то новое. Но вместо этого это одно утверждение, состоящее из двух частей.

Итак, чтение первой строчки стиха без прочтения второй или третьей, если таковая имеется, неправомерно. Его никогда не предполагалось понимать как одно изолированное утверждение. Чтение второй строки стиха без прочтения ее в свете первой строки также незаконно.

Был задуман стих или параллель, я не должен говорить стих, потому что параллельные линии могут проходить через части стиха. Потому что помните, опять же, границы стихов, границы стихов намного позже библейского текста, чем исходный текст. Параллельные линии вместе, все они вместе, создают утверждение, утверждение, задают вопрос, возносят молитву или что-то еще, что бы это ни было.

Итак, мы пытаемся спросить, какова связь между ними? Что вторая строка добавляет к первой? Или что означает первая строка, как первая строка помогает нам понять вторую строку? Потому что, в конце концов, если мы читаем это последовательно, и у нас нет выбора, я имею в виду, именно так и работает язык, верно? Одно слово за раз. Итак, мы читаем от одной строки к другой, я читаю эту строку, которая теперь становится основой для понимания следующей строки, которая почти, как можно сказать, надстроена поверх нее. Итак, чтобы понять здание, нам нужно понять фундамент, иначе я смешиваю свои метафоры, я знаю, что это проблематично.

Но мы спрашиваем, как эти вещи связаны? И что он хочет сказать, соединив эти две идеи вместе? Так почему же он хочет, чтобы мы знали, что в первом стихе Псалма 114 Египет каким-то образом отождествляется с народом, говорящим на заикающемся языке или с иностранным или странным языком? Почему бы просто не сказать из страны Нила? Я имею в виду землю фараона, землю, где Иосиф был заместителем командира, мы могли бы использовать множество вещей. Но почему он выбрал именно этот термин или именно эту идею, чтобы

сопоставить другое, то, что он сказал в первой строке? И мы могли бы даже с самого начала спросить: почему выбрано это слово в первой строке? Почему сказать, когда Израиль вышел из Египта, почему не сказать, когда Израиль вышел из народа иноязычного, дома Иакова из Египта? Есть ли в этом значение? Ах, видите, это часть всего вопроса об авторском выборе стихотворения. Итак, если вы пишете сонет, вы не можете использовать 142 слога, вы не можете этого сделать.

Вам нужно найти другое слово. Вы должны соответствовать схеме рифм. Тебе нравится это слово, но оно не рифмуется.

Извините, вам нужно избавиться от этого. Иди возьми еще один. Поскольку вы выбрали определенный способ общения, для того, чтобы действительно общаться таким образом, вы должны следовать правилам, условностям этого метода общения.

А в библейской поэзии принято считать, что линии должны быть параллельны. Как я уже говорил ранее, не все линии есть. В наших переводах это выглядит именно так, потому что очень, очень редко перевод фактически записывает целую строку текста как одно предложение по всей странице.

Вместо этого я не уверен в причине этого и не оспариваю мотивы. Частично это связано с переходом на Библию с двумя колонками, из-за чего становится сложнее или вообще становится невозможно иметь длинные строки. Однако во-вторых, мне кажется, это убеждение со стороны науки в целом, что библейская поэзия должна быть параллельной.

Итак, мы получим две линии, даже если их там нет. Мы просто выберем место, чтобы разбить его там, где это имеет смысл, разобьем его после глагола и поместим объект во вторую строку или что-то в этом роде. Итак, если вернуться к Псалму 2, который мы рассмотрели только в начале этой лекции, то увидим, что во 2-м Псалме говорится следующее: почему народы возмущаются и народы замышляют тщетное дело? Стих первый, очень параллельный, народы, нации, шумят, замышляют тщетное.

Цари земли встанут, и правители совещаются вместе. Итак, цари земли, правители, встаньте, посоветуйтесь вместе. Все это звучит довольно параллельно.

Но посмотрите на последнее, в этом конкретном переводе есть третья строка во втором стихе, в которой говорится: против Яхве и против его помазанника. Но на самом деле это не работает, не так ли? Потому что это не предложение, это не пункт, это просто фраза. И это действительно часть второй строки второго стиха.

Но то, как это выглядит в переводе, похоже на то, что это третья строка, добавленная к первым двум. И мне нужно выяснить, какое отношение имеет эта строка. Что ж, это имеет отношение, потому что это всего лишь косвенный объект глагола во второй строке.

Итак, на самом деле у нас есть три строки по три слова в каждой. И затем четвертая строка — семь слов. А затем у нас есть еще шесть строк по три слова, по три или четыре слова в каждой, а затем шестой стих, семь слов.

Итак, после второго стиха у нас на самом деле небольшой перерыв в структуре. И это должно заставить нас задуматься: ладно, если в структуре произошел разрыв, есть ли в этом причина? Произвольно ли это? Нет, видите, в этом опасность. Сказать, что он сделал это из поэтических соображений или поэтического эффекта.

Видите ли, ребята, это действительно отговорка. Мы не можем этого сказать. Потому что поэты не делают ничего произвольно.

Я думаю, что иногда мы можем интерпретировать вещи и, возможно, приходим к довольно сложным интерпретациям и задаемся вопросом, действительно ли это происходит? Но позвольте мне прочитать вкратце, это очень короткая цитата из книги Молли Пикок. Она говорит: «Я это выдумываю?» Может ли это быть реальностью? Ну, я не могу прочитать цитату. Но я могу перефразировать это для вас.

Она говорит: « Неужели весь этот смысл упакован в эти строки, то есть это взаимодействие звука, образа, значения, функции, длины строки и структуры?» И она говорит: « Ну , вы знаете, когда поэт работает, на самом деле это правое полушарие мозга, а левое полушарие формирует то, что оно пытается сделать». Так что в процессе создания стихотворения синергетически происходят вещи, о которых поэт может даже не до конца осознавать. Но они на самом деле являются неотъемлемой частью сути смысла стихотворения, потому что они являются частью его структуры.

И помните, мы думаем о структуре, потому что хотим думать так, как поэт думает после себя. Итак, мы говорим, что хотя это звучит так, а в большинстве переводов разрыв ставится после третьего стиха, а не после второго, во втором псалме, это звучит так, будто именно там и должно быть. Но, судя по тому, как построено стихотворение, перерыв каким-то образом должен произойти после второго куплета.

Третий стих начинается. Что ж, есть и другие вещи, которые нарушают четвертый стих, потому что, если вы продолжите читать, вы скажете, что в

четвертом стихе явно говорится о Господе, тогда как в третьем стихе все еще говорится о царях и правителях земли, которые совещаются и и т. д. в первом и втором стихах.

Таким образом, стихи первый, второй и третий связаны друг с другом по содержанию. Но третий стих отделен от первого и второго стихов структурой первого и второго стихов. На самом деле, ладно, я знаю, что это несправедливо, но я собираюсь показать вам кое-что на иврите, которое просто потрясающее в первом и втором стихах 2-го Псалма.

В первых четырех строках, то есть в первом и втором стихах, четыре глагола. Первый глагол, назовем его перфект на иврите. Следующий глагол – несовершенный.

Третий глагол – несовершенный. И четвертый глагол – совершенный вид. И так, вы видите, мы снова вернулись к той схеме АВВА, к тому хиазму, о котором мы говорили.

Это совпадение? Разве поэт не знал, что употребляет эти глагольные формы? Или он просто случайно поместил их в такое расположение, так оно и получилось? На самом деле, если бы и были, чего мы не можем сделать на иврите, то здесь становится немного сложнее говорить в переводе. Но если бы мы на самом деле выписали стих и скажем, мы назовем подлежащее каждой строки А, глагол В и сказуемое или объект С, мы бы обнаружили, что порядок предложений фактически обратный. Таким образом, весь первый стих представляет собой хиазм, а весь второй стих — хиазм.

А затем четыре глагола в первом и втором стихах связывают два хиазма вместе, создавая другой хиазм. И мы говорим: случайно ли это? Думаю, нет. И третий, четвертый, пятый стих переходит к другому виду параллелизма, где просто если бы мы использовали глагол, объект-субъект-глагол, это было бы просто АВС, АВС, АВС, они просто они. мы такие же.

Хиазма больше нет. Авария? Нет нет. Поэт точно знал, кем он был, мы можем точно не знать, почему он это делал.

Но он делал это очень, очень намеренно. И вы видите, это часть, часть чтения стихотворения — это просто сказать: «Ого, это действительно круто». Это законный ответ на поэзию.

А потом начинаем и потом говорим: а почему это круто? И зачем ему так усердно работать, чтобы это выглядело именно так? Где-то есть причина, даже если мы не можем об этом думать, частью процесса является размышление о том, что может лежать в основе того, что может лежать в основе этого.

Позвольте мне показать вам еще один вид повторения, а затем я перейду к более крупным структурам. Вернёмся к Псалму 113.

Псалом 113 — это начало группы псалмов со 113 по 118, называемых «Египетский Халель» — песни, исполняемой каждый год на Песах. И что общего у всех этих псалмов, так это то, что в них есть слово Аллилуйя, что означает «хвала Яхве», что является краткой формой слова «Яхве». Так что хвалите Господа в начале или в конце, или в обоих случаях.

Псалом 113 начинается хвалой Господу, аллилуйя, и заканчивается хвалой Господу, аллилуйя. Это не параллель. Я имею в виду, это параллелизм, потому что они параллельны, но на самом деле это повторение, что означает одно и то же.

Итак, когда нечто подобное происходит в начале или в конце псалма, зачем поэту это делать? Зачем ему повторять то, что он сказал вначале? Псалом 103: Благослови Господа, душа моя. Псалом 103 заканчивается, благослови Господа, душа моя. Зачем поэту это удалось? Думать об этом.

В первый раз или когда мы читаем Псалом 112, давайте предположим, что мы не несем за собой всякого богословского багажа. Хорошо. Итак, читаем 113 Псалом, и там сказано: хвалите Господа.

Какова естественная реакция? Возможно, вы помните, когда вам было восемь лет, когда ваш отец сказал: «Выноси мусор». Какова естественная реакция? Почему? Да. Итак, когда мы подходим к концу псалма и читаем хвалу Господу, то на вопрос «почему» уже дан ответ.

Итак, вы видите, хоть это и повторяется, это повторение, слова, содержание слов одно и то же. Смысл и функция высказываний весьма различны. Первый из них — вызов.

Второй — это призыв, который в то же время является напоминанием, потому что в стихах с четвертого по девятый он дает нам несколько причин восхвалять Господа, объясняя, насколько Он велик, и насколько Он щедр и добр к Своему народу. Таким образом, даже несмотря на то, что они параллельны, по сути, являются повторением, они не имеют одинаковой функции, одинакового словарного значения, одинакового словарного значения, но не одной и той же цели. То же и с псалом 103: Благослови, душа моя, Господа.

Есть большая разница между произнесением этого в начале псалма, началом псалма таким образом и повторением его в конце, через 22 стиха, или через 21 стих в стихе 22, когда он просмотрел огромный каталог всех добрых дел, которые Господь сделал для Своего народа. Теперь мы знаем, кого мы

благословляем, почему мы благословляем его, что он сделал для нас. Это, кстати, указывает на еще одну особенность хвалебных песен, этих псалмов поклонения и хвалы, а именно то, что Псалтырь, Библия, никогда не призывает нас просто славить Бога за то, что Он существует.

Иногда вы можете услышать такие слова: люди говорят: ну, я не хочу славить Бога из-за того, что Он сделал для меня. Я просто хочу похвалить его за то, кто он есть. Это небиблейские люди, мне жаль это говорить.

Библия всегда дает нам причины. И причины часто кроются в наших собственных интересах. Что Бог сделал для меня, что Бог сделал для нас, поэтому мы хвалим Его.

Иногда это происходит из-за творения, работы творения. В большинстве случаев это на самом деле работа по спасению или освобождению. И что действительно поразительно, мы не будем тратить время на это, если вы обратитесь к четвертой и пятой главам Откровения, там есть три песни, которые Иоанн слышит во время небесного поклонения, когда он возносится Духом.

Первый из них очень широк. Второй восхваляет Бога за Его творение и провидение, поддерживающее его творение. А третий восхваляет Агнца за дело спасения.

Те же причины, которые мы находим для восхваления Бога в книге Псалмов. Это еще одна причина, по которой мы говорим о библейской поэзии, а не о поэзии Ветхого Завета, потому что на самом деле все это одно. Некоторые написаны на иврите, некоторые — на греческом, но все это одно.

Итак, мы смотрим на отношения между строками для того, чтобы поговорить, для того, чтобы заставить себя, побудить себя, я бы сказал, обратить внимание, задуматься о том, о чем говорят эти две строки вместе, и почему автору пришлось бы использовать эти две строки, объедините их, чтобы сказать это. И помните, что мы их не разделяем. Мы не просто читаем одну строчку, как, например, читая половину одной из пословиц: мудрый сын делает своего отца счастливым.

Хорошо. Но это еще не вся пословица. Там не сказано всего, что следует сказать.

Глупый сын – горе матери. Ах, видите, контраст в этом случае выводит значение каждого на более высокий уровень, чем если бы они просто стояли сами по себе. И показывает нам последствия не только одного вида поведения, но и обоих.

Точно так же и в Псалмах вещи, которые мы читаем параллельно друг другу, в совокупности придают нам значение, большее, чем значение любого из них или обоих, взятых по отдельности. Теперь, когда мы смотрим на структуру, если бы нам пришлось просмотреть, проанализировать и обрисовать в общих чертах все Псалмы, вы довольно быстро, начиная с Псалма 3, на самом деле, обнаружите, что существуют довольно стандартные схемы для Псалмов. Около трети Псалтири действительно похоже на Псалом 13.

Позвольте мне дать вам очень приблизительный план Псалма 13. В первых трех стихах мы задаемся этими вопросами. Как долго, Яхве, ты забудешь меня навсегда? Как долго ты будешь скрывать от меня свое лицо? Доколе мне будет советоваться в душе моей, скорбеть в сердце моем весь день? Как долго мой враг будет превозноситься надо мной? Это обращение к Богу, как и многие другие псалмы, которые в переводе обычно начинаются со слов «О, Господи», или «О, Боже», или «О, Боже мой».

По сути, этот призыв призывает Бога привлечь внимание или что-то в этом роде. Они как бы такие, просьба о внимании. Я имею в виду, говоря: ты собираешься забыть меня навсегда? Это довольно сильный способ сказать: я думаю, ты забыл меня навсегда.

Итак, вот так и что происходит, за ними следует просьба о помощи. В Псалме 3 содержится просьба. Обрати внимание, ответь мне, Яхве, Боже мой, освети очи мои, а может быть, даже засияй очи мои, что-нибудь в этом роде.

Это его просьба. Затем он приводит Господу несколько причин, почему ему следует ответить на эту просьбу. Чтобы я не уснул смертью, чтобы враги мои не сказали, что я победил его, и чтобы враги мои не радовались, когда я потрясен.

Итак, на самом деле вы можете увидеть параллелизм в четвертом стихе: враг мой, противники мои, я победил его, чтобы они не радовались, когда я поколеблюсь. Это не точный параллелизм, но очень близкий и синонимичный. Это одна причина, а другая причина в том, чтобы я не умер.

Итак, он не просто просит Бога, он приводит Ему причины, почему он считает, что это хорошая молитвенная просьба. Затем в пятом стихе есть утверждение, но я доверился вашей любящей доброте, мое сердце радуется вашему спасению, которое является выражением уверенности или уверенности или какой-то надежды на то, что Господь ответил на его молитву или собирается ответить, , ответит на него. И затем в шестом стихе он говорит: воспою Яхве, потому что Он поступил со мной щедро или хорошо.

Опять же, обратите внимание, что это последний стих псалма, это одно предложение, и оно очень длинное. Одна из функций длинных очередей — закрывать все. Итак, в шестом стихе мы находим обетование.

Вот что я сделаю. Итак, он говорит: как долго ты меня забудешь? Сказать: я буду петь Господу, потому что Он поступил со мной щедро, хорошо поступил со мной. И в течение шести стихов, пройденных по этому плану из обращения или призыва, призыв состоит в том, чтобы позвонить кому-то, позвонить кому-то, пригласить его, к просьбе о помощи, к его причинам для просьбы, почему Божья мотивация, его выражению доверия и его обещанию.

Иногда это обещание спеть. Иногда это обещание принести жертвы. Иногда там конкретно говорится: «Я буду свидетельствовать братьям моим в обществе братьев моих о милости Господа ко мне».

Итак, всякие обещания, всякие... Вот так выглядит треть Псалтири. Треть псалмов, 52 или 53 из них. И всегда они заканчиваются именно так.

За исключением, я бы сказал, с одним исключением Псалма 88. Псалом 88 не заканчивается каким-либо приветствием или каким-либо обещанием. Вместо этого 88-й псалом очень наглядно заканчивается словами: «Ты удалил от меня возлюбленного и друга».

Мои знакомые - тьма. Какой-то облом. Но один из вопросов, который мы задаем себе: если существует образец, которому поэты склонны следовать, почему 88-й Псалом не следует этому образцу? Неужели у этого поэта был очень, очень, очень плохой день? Может быть.

Или его присутствие в Священном Писании является просто напоминанием о том, что мы не всегда увидим свет в конце туннеля? Я имею в виду, по крайней мере, это все же молитва, обращенная к Богу, верно? Он ему жалуется, но он с ним хотя бы разговаривает. Фактически, это указывает на одну из ценностей — даже замечать такие контуры. То есть мы можем сравнить два или три псалма, имеющих один и тот же образец.

И мы заметили, что в одном псалме причины и мотивация составляют пять или десять стихов. В другом псалме жалоба — это часть длиной в 10 стихов. В другом псалме обещание в конце продолжается и продолжается, и продолжается, и продолжается.

Все то, что собирается сделать псалмопевец после освобождения. И вот мы говорим себе: ладно, вот он берет эту идею, но в этом псалме, в этом стихотворении, в этом плаче, как они называются, он действительно подчеркивает эту идею или эту идею. И почему? И как это соотносится и

контрастирует с другими стихотворениями того же типа? Так что это очень интересное упражнение.

Сонеты пишутся уже много сотен лет. Если хотите, Оксфорд опубликовал милую книжку под названием «Книга сонетов». Если бы вы взяли его, прочитали и спросили себя: я знаю, что сонет должен следовать определенной логике.

Как этот сонет соответствует этому? И почему он не следует тому же самому? Почему рисунок выглядит немного иначе? Почему он переставляет вещи? Почему? Итак, мы начинаем думать о том, зачем поэту брать что-то более или менее стандартизированное и немного подправлять его. Потому что эта поправка является частью смысла стихотворения. Потому что в поэзии форма и содержание не просто лежат рядом.

И дело не только в том, что форма поддерживает содержание, но и форма, форма на самом деле является его частью. И именно поэтому мы обращаем внимание. Помните о признательности, мы говорили о крутом факторе.

Ну, это часть желания, чтобы мы это увидели. Ох, посмотрите на всю работу. Он соединил это воедино.

И посмотрите, что он говорит, когда собирает это воедино. Посмотрите, что там говорится, когда вы собираете вместе эти строки в начале Псалма 2. Вот как общается поэзия. У меня есть всего пара минут.

Итак, я только что упомянул еще один основной тип псалмов — это псалмы хвалы, которых около 113. Они всегда следуют одному и тому же образцу. Они начинаются с призыва к похвале, повеления, затем причины для похвалы, а затем заканчиваются призывом к похвале.

Иногда один из них длиннее или короче. Итак, в Псалме 150 причины для хвалы — это, по сути, половина одной строки, третий стих, а последние пять строк — это все призывы к хвале со всеми этими инструментами. Ну, я имею в виду пять стихов.

Что ж, в Псалме 150 акцент сделан иначе, чем в Псалме 148, где акцент в Псалме 148 делается на том, кто восхваляет. В Псалме 150 акцент делается на том, как совершается восхваление. Но в каждом случае есть причины для этого.

Итак, посмотрим, и, надо сказать, есть и другие виды псалмов. Есть и другие закономерности, которые вы увидите. И иногда закономерности легко различить.

Иногда это не так. Но умение смотреть на псалмы как на жанры помогает нам увидеть, что у нас не просто 150 псалмов, но на самом деле у нас есть 150 стихотворений, которые делятся на общие типы, которые позволяют нам затем смотреть друг на друга, рассматривать их индивидуально в Свет друг друга внутри этого типа и посмотрите, как каждый из них функционирует, что каждый из них делает с этим шаблоном. Итак, будьте внимательны, внимательно читайте и замечайте, как писал поэт, чтобы мы могли попытаться подумать его или ее мысли после него.

Это была третья из четырех презентаций книги Псалмов доктора Фреда Патнэма.